

05
M-82

Москва

3
2016

3

МИХАИЛ СМОЛИН

БОГ ЕСТЬ, И СОЦИАЛИЗМ НЕ ПРАВ!

**ИДЕОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ
И МАРКСИСТСКОГО
КОММУНИЗМА**

Михаил Борисович Смолин родился в 1971 году в Ленинграде. Окончил исторический факультет Санкт-Петербургского университета.

Историк и публицист, кандидат исторических наук. Заместитель директора РИСИ.

Автор книг «Очерки имперского пути. Неизвестные русские консерваторы второй половины XIX — первой половины XX века», «Тайна Русской Империи», «Энциклопедия Имперской традиции Русской мысли», «Русский путь в будущее», «Церковь, государство и революция».

Печатается в журнале «Москва» с 1997 года.

Член Союза писателей России.

ПУБЛИЦИСТИКА

Смотрите, братья, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу.

Кол. 2, 8

...Достаточно вспомнить расстрелы заложников во время Гражданской войны, уничтожение целых сословий, духовенства, раскулачивание крестьянства, уничтожение казачества. Такие трагедии повторялись в истории человечества не однажды. И всегда это случалось тогда, когда привлекательные на первый взгляд, но пустые на поверхку идеалы ставились выше основной ценности — ценности человеческой жизни, выше прав и свобод человека. Для нашей страны это особая трагедия. Потому что масштаб колоссальный. Ведь уничтожены были, сосланы в лагеря, расстреляны, замучены сотни тысяч, миллионы человек. Причем это, как правило, люди со своим собственным мнением. Это люди, которые не боялись его высказывать. Это наиболее эффективные люди. Это цвет нации. И, конечно, мы долгие годы до сих пор ощущаем эту трагедию на себе. Многое нужно сделать для того, чтобы это никогда не забывалось*.

В.В. Путин

Прологомены (предисловие)

Все ближе к нам становится дата столетия совершения революции в России. Все ближе 2017 год, когда новой России нужно будет осмыслить и сделать очень важный выбор — какое наследие выбрать как историческую и, главное, духовную основу своего дальнейшего развития. Необходимо будет решить, что для нас как для общества важнее — наследие революции и коммунистического режима или наследие

* Путин поклонился жертвам сталинских репрессий // Труд. 2007. № 199. 31 октября.

империи и православного мира. После падения коммунистической власти в России в 1991 году мы позволили себе взять некоторую историческую паузу (длящуюся 25 лет), оттягивая решение вопроса — какую же мы Россию собираемся строить и какое наследие будет для этой новой России определяющим, базовым, руководящим в ее будущем.

Приближающееся столетие революции неизбежно поставит перед нами этот вопрос более жестко, чем ранее. Придется выбрать, праздновать ли это событие как неизбежный великий слом не способного к дальнейшему существованию православного мира, создавший новый путь развития для человечества, или же переосмыслить революцию как духовную болезнь, приведшую великую православную традицию в нашей стране к столетнему кризису, и утвердиться в мысли, что дорога в коммунистическое будущее есть духовно-социальная химера, путь тупиковый и смертельно опасный.

Этот выбор надо делать ясно и искренне, что называется, с «открытым забралом», без фарисейского подсчета процентов «за» и «против». Революционное мировоззрение и революция как окончательный акт прихода людей с этим мировоззрением к власти есть отказ от православного пути развития, провозглашенного еще равноапостольными правителями Древней Руси Ольгой и Владимиром. Советский период был попыткой заставить русских людей в своей жизни обходиться без Бога и без опыта предков. Попытка была жестокой, последовательной и реализовалась согласно идеологии, которая сформировалась еще до самой революции.

Автор этой статьи считает революционное мировоззрение и саму революцию в нашей стране величайшим духовным соблазном, который только приходилось переживать русским людям в своей более чем тысячелетней истории. И потому считает необходимым выработать к этому соблазну, столь же величайшему, прежде всего духовное, а вместе с ним и всякое другое,

неприятие. Только от этого отправного пункта, преодолев революционно-атеистические мировоззренческие метания, можно начать двигаться далее, каждому человеку в отдельности и русскому обществу в целом.

Советское прошлое, как соблазн повторного бунта блудного сына против Своего Отца, как бесовское средоточие, как туманный морок, стоит между нами и нашими православными предками и не дает нам решительно вернуться на путь, определенный Владимиром и Ольгой. Нужно сделать духовное усилие и, перефразируя Достоевского, утвердиться в мысли, что «Бог есть, а значит, социализм не прав».

Свое отрицательное отношение к революции и марксистскому коммунизму автор облеч в форму некоторых тезисов, которые назвал «Тезисами неприятия».

Тезисы неприятия

1. Идеология революции и марксистского коммунизма — антихристианско-мировоззрение. Революция стала бунтом против признания человека служить Сверхличному Богу и стремилась уничтожить всякий смысл за пределами человеческого тела и его насыщения.

Революция не была просто радикальной социальной реформой, это была всеобъемлющая мировоззренческая реформация всех сторон земной жизни русских людей. Идейной движущей силой этой реформации была атеистическая социальная религиозность, то есть свойство пострелигиозного сознания переносить абсолютные религиозные нравственные требования из мира веры, мира метафизического в земную социальную действительность.

Отсюда требования любой революции к социальной области являются чрезвычайно завышенными и совершенно не поддаются реализации в конкретной жизненной ситуации. Идеи «земного рая», «светлого будущего», «общества социальной справ-

«едливости» и тому подобные утопии всеблаженства принципиально неосуществимы в земной действительности, но революционизм не способен согласиться на что-либо меньшее или что-либо менее совершенное, так как верит в социальное переустройство мира и возможность достижения социального идеала абсолютно так же, как верит в загробное блаженство верующий человек.

Революция материализовалась в нашей стране в образе большевиков с их партией, цареубийством, карательной ЧК, диктатурой пролетариата, продармиями, расстрелами, заложниками, красным террором, экспроприациями, брестским мирным предательством, Гражданской войной, святотатством, гонениями, массовым хамством, классовой враждой и т.п., но и сегодня левые пропагандисты пытаются одеть эту партийную советскую историю в «светлые одежды» романтической истории, а не описывать ее суровыми красками уголовной хроники и бесовского наваждения.

После революции в России Церковь испытала гонения, сравнимые лишь со временами первых веков христианства, сомн православных мучеников пополнился тысячами и тысячами новых убиенных за веру; русские, как православные люди, испытали все возможные унижения национальной и личной гордости, став реально подопытными образцами в великой «лаборатории» штаба мировой революции; православная семья, жизненные призвания мужчины и женщины, воспитание детей — все было извращено революцией и поставлено под контроль большевистской власти.

«Изъятие ценностей, — писал В.И. Ленин, — в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так,

чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»*.

Вместо снисходительного прощения ближнего коммунисты навязывали пожизненную борьбу за дурно понятую «социальную справедливость», с кровавыми классовыми войнами внутри своего же общества, вплоть до гражданской войны на истребление.

«Пролетариат, — учил Л.Д. Троцкий, — окажется вынужденным вносить классовую борьбу в деревню и, таким образом, нарушать ту общность интересов, которая, несомненно, имеется у всего крестьянства, но в сравнительно узких пределах. Пролетариату придется в ближайшие же моменты своего господства искать опоры в противопоставлении деревенской бедноты деревенским богачам, сельскохозяйственного пролетариата — земельской буржуазии»**.

Коммунисты попытались изменить самих христиан в нашей стране, закрыть русским людям дорогу в Небо, в Царство Небесное, побороть Бога в человеческих душах и уничтожить земную Церковь. Но эта новая сектантская коммунистическая вера сама надорвала свои силы в борьбе с Христом, оставив Православие в нашей стране неодолимой духовной преградой для зла.

2. Идеология революции и марксистского коммунизма — антигосударственное мировоззрение. В революцию имперская государственность была полностью разрушена — большевистская идея федеративного союза, искусственно разделившая единую Россию, стала поруганием всех много вековых стараний русских поколений, собиравших воедино земли Российской империи.

Одним из первых декретов коммунистов, пришедших к власти, стала

* Известия ЦК КПСС. 1992. № 4. С. 192; Архивы Кремля. В 2 кн. Кн. 1: Политбюро и Церковь. 1922—1925 годы. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. С. 143.

** Троцкий Л.Д. Итоги и перспективы. 1906. Гл. 6: Пролетарский режим.

Декларация прав народов России*, после чего начался парад суверенитетов на основе провозглашенного в этой декларации права на свободное самоопределение, вплоть до отделения и создания самостоятельных государств. Независимые государства создали Великое княжество Финляндское, прибалтийские территории, белорусские и малорусские губернии, кавказские и среднеазиатские народы.

Из единого государства русского народа — Российской империи — коммунисты (разрушив единство) искусственно создали Федерацию национальных образований как изначальную базу для броска в мировую революцию. Никто из них не собирался развивать Россию как тысячелетнюю державу со своими историческими интересами, логика и интересы «пожара» мировой революции были определяющими в отношении большевиков к территории и населению бывшей Российской империи.

В определенной степени революция в отдельно взятой стране, а тем более в России, противоречила коммунистической идеологии. «Может ли... революция произойти в одной какой-нибудь стране? — писал один из коммунистических «апостолов». — Ответ: Нет. Крупная промышленность уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собой все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что каждый из них зависит от того, что происходит у другого. Затем крупная промышленность так уравняла общественное развитие во всех цивилизованных странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества и борьба между ними — главной борьбой нашего времени. Поэтому коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, то есть, по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии. В каждой из этих стран она будет развиваться быстрее или медленнее, в

зависимости от того, в какой из этих стран более развита промышленность, больше накоплено богатств и имеется более значительное количество производительных сил. Поэтому она осуществится медленнее и труднее всего в Германии, быстрее и легче всего в Англии. Она окажет также значительное влияние на остальные страны мира и совершенно изменит и чрезвычайно ускорит их прежний ход развития. Она есть всемирная революция и будет поэтому иметь всемирную арену»*.

Но эта «практическая» неожиданность недолго смущала коммунистов. Придя к власти, они продолжили стремиться к вселенскому революционному пожару, в котором российские государственные останки должны были стать материалом для растопки марксистского пламени.

И никаким коммунистам не приходило в голову ни наследовать Российской империи, ни уж тем более продолжать русскую государственную традицию, как нам сегодня говорят левые патриоты. Само имя России было стерто в названии СССР — этого нового государственного образования, призванного поглотить весь мир, объединив всех пролетариев.

Сталин, которого превозносят неокоммунисты, в этом процессе был всегда вторичен по отношению к таким великим демонам революции, как Ленин и Троцкий, его поворот к строительству коммунизма в отдельно взятой стране — итог неизбежного ослабления изначально титанически взрывоопасного революционного заряда. Всеразрушительность революции и ее перманентная заряженность на другие страны Европы и мира постоянно слабели с годами, пока не умерли вместе с СССР.

Сталину, первому из советских вождей, не хватило той изначальной максималистской коммунистической веры в мировую революцию, которой жили Ленин, Троцкий и другие первые большевики. Он слишком ценил власть в отдельно взятой стране, чтобы рисковать ей, пытаясь поймать

* Принята 2 (15) ноября 1917 года Советом народных комиссаров РСФСР.

* Энгельс Ф. Принципы коммунизма. 1847.

ускользающую «синицу» мировой революции. Хотя он и не отказывался от самой доктрины.

«Мы создали, — вещал вождь мирового пролетариата, — советский тип государства, начали этим всемирно-историческую эпоху, эпоху политического господства пролетариата, пришедшую на смену эпохе господства буржуазии. Этого тоже назад взять уже нельзя, хотя “доделать” советский тип государства удастся лишь практическим опытом рабочего класса нескольких стран. Но мы не доделали даже фундамента социалистической экономики. Это еще могут отнять назад враждебные силы умирающего капитализма. Надо отчего-либо сознать и открыто признать это, ибо нет ничего опаснее иллюзий... И нет ничего “страшного”, ничего дающего законный повод хотя бы к малейшему унынию в признании этой горькой истины, ибо мы всегда исповедовали и повторяли ту азбучную истину марксизма, что для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран»*.

СССР, пробежав свою «короткую дорожку» (в семьдесят лет), доказал, что социалистический эксперимент приводит человеческое общество к «концу истории» за одну-две человеческие жизни. Коммунистический режим безумно растратил народные силы и не смог выйти из глубоких противоречий своей идеологии. Коммунистическая система СССР была принципиально не реформируема без подрыва тем самым своих основ. Догматизм конструкцииставил узкие пределы для своего улучшения. Советская власть, отказавшись от мировой революции и от беспощадной кровавой классовой борьбы внутри СССР, подорвала диктатуру партии и вскоре разрушила саму коммунистическую государственность введением послаблений в своем режиме.

Неудачники прапорщики-декабристы, мечтатели-сибариты в герценовском стиле, вечные студенты народо-

вольцы, каждый из которых шел в террор, думая, что он убивает свою «старуху процентщицу» и получает право не называться более «тварью дрожащей», безжалостные коммунисты в «пыльных шлемах» — все они разрушали тысячелетнюю православную империю, думая, что участвуют во всемирно-историческом действии отказа от «старого мира» во имя хилиастического счастливого будущего, в котором будет построено новое общество вечного счастья и социальной справедливости.

Старый мир действительно был превращен в величественные руины, но новое общество, так и не достигнув идеала, обветшало на глазах одного поколения.

3. Идеология революции и марксистского коммунизма — русофобское мировоззрение. Революция делала все, чтобы разрушить Русский мир. Социальные эксперименты, пролетарская диктатура как военная организация коммунистической партии разрывали русское общество, уничтожали русскую деревню, русский уклад жизни. Подрывая христианское воспитание, закрывая церкви и церковные школы, изгоняя изучение русской истории из государственного преподавания, коммунисты умышленно боролись с русским духом.

Они умышленно расчленяли в своем государстве русскую нацию, деля ее на русских, украинцев и белорусов. Настраивали две последние искусственно создаваемые общности против русских-великороссов. Классовая борьба велась прежде всего против русских социальных групп: духовенства, офицерства, дворянства, крестьянства, казачества как основных хранителей живительных сил нации.

Они знали, что именно христианский русский дух является главным противником построения большевистского общества. Вводя гражданские браки и свободные половые отношения, коммунисты уничтожали русские семьи, а с ними и высокую рождаемость имперских времен.

Население Российской империи в XVIII и XIX столетиях численно увеличивалось в три с половиной раза за

* Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. М., 1977. Т. 44: Июнь 1921 — март 1922. С. 417—418.

столетие, так как в православных семьях в среднем было более семи рождений*.

Двадцатый век сулил блестящее будущее русской нации. Так, знаменитый ученый Д.И. Менделеев, осмысливая результаты первой переписи 1897 года в книге «К познанию России» (М., 1905), подсчитал, что при естественном приросте в 15 человек** в год на 1000 жителей в России в 1950 году должно было бы быть — 282,7 млн человек, а к 2000 году — 594,3 млн. Он предполагал, что если бы ежегодный прирост в 1,5% сохранился, то население России каждые 46,5 года удваивалось бы, а через 155 лет — возрастало бы в 10 раз, то есть в 2052 году в России проживали бы, по его расчетам, 1 млрд 282 млн жителей...

Советские «эксперименты» убили этот колossalный рост русской нации, практически уничтожив крестьянское и казачье сословия — эту плодороднейшую демографическую почву.

Но не будем плодить несбыточные цифры, не в них смысл, а приведем динамику падения рождаемости в советские времена. Она показывает, как противоположные христианским мировоззренческие установки способны из демографического лидера в течение одного-двух поколений создавать глубоких аутсайдеров.

Уже в 1926–1927 годах в европейской части СССР суммарный коэффициент рождаемости был равен 6,4. В 1938–1939 годах в границах СССР наличествовал уже форменный обвал — 4,42. А в «достославные» брежневские времена, в 1978–1979 годах,

* Даже советские демографы, такие, как В.А. Борисов, подтверждают такое положение дел: «...в конце XIX века в России в среднем на одну женщину приходилось 7,1 рождение детей за всю ее жизнь».

** Естественный прирост населения (рождаемость минус смертность), по материалам 50 губерний Европейской России, был на период 1911–1913 годов 16,8 человека на 1000 в год. (Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 годы). М., 1956. С. 229.)

он был уже 1,9, то есть меньше нормы воспроизводства численности населения.

Советская власть довела сильнейший русский организм до истощения, утраты интереса к жизни и умирания.

4. Идеология революции и марксистского коммунизма — человеконенавистническое мировоззрение. Убивать своих политических противников революционное движение считало правильным еще со времен декабристов, ставивших задачу физического уничтожения всего Дома Романовых. Далее идеологически террор оформился и был опробован народовольцами, а впоследствии развит другими революционными партиями до вполне массовых масштабов. Так, с 1901 по 1911 год жертвами революционного террора стали около 17 тысяч человек*.

Настоящие коммунисты (Ленин, Троцкий, Сталин и все первое поколение коммунистов) всегда выступали за необходимость классовой борьбы и политических репрессий в отношении своих противников, посему убийство людей никогда не находило никаких серьезных препятствий в сознании настоящего коммуниста. Единственным фактором, сдерживающим репрессии, да и то только времененным, была защитная реакция самих терроризируемых или внешних, иностранных наблюдателей. Если риск потерять власть для большевиков становился чрезмерно великим, то из тактических соображений они готовы были сдерживать свои репрессивные стремления.

Коммунистами следующих поколений репрессии часто объяснялись необходимостью подготовиться к войне. Промышленное развитие и военные приготовления Сталина действительно проходили на фоне огромных политических кровопусканий всем несоветским элементам советского общества, которых партийные и советские органы безопасности находили все больше и больше.

* См.: Сборник документов «Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX века)». М., 2001.

Но кровавые репрессии не подготовили страну к войне должным образом. Классовые кровопролития перед войной сильно ослабили само общество. На базе коммунистической идеологии общество в 1941–1942 годах не смогло или не вполне захотело в полную силу противостоять врагу, пока сама власть не перестала выпячивать свои узкопартийные убеждения и не включила традиционную для большинства русского населения патриотическую риторику.

Во время войны советская власть, как во времена НЭПа, перестала в столь жесткой форме, как раньше, навязывать обществу свои коммунистические ценности, и народ, видевший опасность национал-социализма для России, свободно вздохнув, смог победить врага.

Классовая борьба или коммунистические репрессии не решали никаких реально существовавших социальных или экономических задач страны, кроме удержания большевиками власти. Жестокость большевистских репрессий в немалой степени исходила из ощущения пришедших к власти, что население не хочет им подчиняться. Сначала думали, что им не хотят подчиняться только высшие сословия, но затем увидели, что и низшие не хотят, и тогда репрессии стали уже массовыми. Большевики не только не чувствовали покорности, но и не могли опираться на массы, не было послушания, не было нравственного уважения и приятия власти большевиков. И потому большевики добивались покорности не с помощью нравственного воздействия, а с помощью принуждения, запугивания и пролития крови.

Конечно, было бы важно узнать правду о численности людей, подвергнутых репрессиям при коммунистическом режиме. Но будет ли это несколько миллионов или несколько десятков миллионов, от этого суть произошедшего не изменится.

А суть эта в том, что никогда так жестоко никакая другая власть в России не относилась к русским людям, как это делала советская власть. А уж как это назвать — массовыми репрессиями по классовому принципу или

национальным геноцидом, — это зависит от окончательных подсчетов жертв и анализа мотивации коммунистов.

5. СССР прекратил свое существование — советский проект пал, и возродить его невозможно. Спринтерский забег к светлому будущему, измотав и истратив огромные силы нескольких поколений русских людей, кончился ничем. Классовые войны, огромные военные потери, многочисленные аборты и всевозможные идеологические и социальные эксперименты, реформы и перестройки довели русский народ до духовного и физического истощения.

Вся кровь, все усилия, все эти 70 лет эксперимента не только обнулились, но и создали нам огромный цивилизационный дефицит. Советский проект оставил после себя огромную национальную недостачу и, растратив огромные (в том числе и потенциальные) силы русского народа, прекратив его численный и качественный рост, ни к чему из заявленного не привел.

Революция с ее социальными экспериментами была проведена не только зря, но и с огромными потерями для Русского мира, поэтому отказ от коммунистического пути был естественным и правильным, но не достаточно последовательным.

Возродить СССР невозможно. Можно лишь пробовать вернуться к советской власти во времена, копирующие брежневские или андроповские, а на власть, похожую на сталинскую или на ленинскую, сегодня нет нужного количества настоящих политических упрыгов.

Коммунистическая партия Ленина и СССР могли жить только при жесткой сталинской классовой диктатуре и при стремлении к троцкистской мировой революции. Как только настоящий революционный дух окончательно попал под сомнение на XX съезде, так коммунистический проект быстро пошел к концу своей истории в отдельно взятой стране и отрицательному результату по важнейшим для нации религиозной, государственной, национальной и человеческой составляющим.

Бог есть, и социализм не прав!